

поэзіи, а его—самой поэзіей; они, такъ сказать, были кандидатами на званіе поэтовъ, а онъ былъ поэтомъ-художникомъ въ полномъ и совершенномъ значеніи этого слова. Но тѣмъ не менѣе къ чести предшественниковъ Пушкина должно сказать, что они имѣли на него болѣе или меньшее вліяніе, и ихъ поэзія болѣе или меньше была предвѣстницей его поэзіи, особенно первыхъ его опытовъ. Еще прямѣе и непосредственнѣе было вліяніе на Пушкина современныхъ ему европейскихъ поэтовъ. Если при всемъ этомъ первые произведенія Пушкина, однихъ не пріятно, другихъ къ полному ихъ удовольствію и восторгу, поразили не только новостью, но оригинальностью и самобытностью,—это показываетъ, какъ гениаленъ былъ талантъ его. Но все-таки его первые произведенія напоминали собой многое и въ русской литературѣ, хотя и отдаленно, и еще болѣе многое, и притомъ ближайшимъ образомъ, въ иностранныхъ литературахъ,—чему доказательствомъ служить неудачно и неловко приданный ему титулъ русскаго Байрона. У Гоголя не было предшественниковъ въ русской литературѣ, не было (и не могло быть) образцовъ въ иностранныхъ литературахъ. О родѣ его поэзіи, до появленія ея, не было и намековъ. Его поэзія явилась вдругъ, неожиданная, непохожая ни на чью другую поэзію. Конечно, нельзя отрицать вліянія на Гоголя со стороны, напримѣръ, Пушкина; но это вліяніе было не прямое: оно отразилось на творчествѣ Гоголя, а не на физиономіи, такъ сказать, творчества Гоголя. Это было вліяніе болѣе времени, которое Пушкинъ подвинулъ впередъ, нежели самого Пушкина. Разумѣется, если бы Гоголь явился прежде Пушкина, онъ не могъ бы достигнуть той высоты, на которой онъ стоитъ теперь. Но прямого вліянія, такого, какое имѣли (въ болѣе или меньшей степени, ближе или отдаленнѣе) на Пушкина предшествовавшіе ему русскіе и современные ему европейскіе поэты,—такого вліянія со стороны Пушкина на Гоголя нельзя открыть никакихъ слѣдовъ въ сочиненіяхъ послѣдняго. Сверхъ того, поэзія, избирающая своимъ предметомъ только положительно прекрасныя явленія жизни и рѣдко испытываемыя человѣкомъ высокія ощущенія,—такая поэзія если не совсѣмъ понятна въ сущности, то всѣмъ доступна по наружности. По крайней мѣрѣ она до того нравится толпѣ, что даже и ложные таланты, если они не лишены блеска и смѣлости, увлекаютъ ее, пародируя въ своихъ хитроизысканныхъ выдумкахъ высокую сторону дѣйствительности; это доказываетъ чрезвычайный, хотя и мгновенный успѣхъ Марлинскаго и... но не будемъ называть дру-

гихъ—довольно и одного примѣра... Скажемъ болѣе: толпа, представительница прозаической, будничной и черновой стороны жизни, терпѣть не можетъ, чтобъ поэзія занималась ею, хотя и не смиреніе, а опасливостъ неувереннаго въ себѣ самолюбія причиною этого; напротивъ, она любитъ, чтобъ поэзія представляла ей все героевъ, да твердила ей все о высокомъ и прекрасномъ. За голосомъ немногихъ, которымъ дано дѣйствительно понимать высокое жизни, толпа готова провозгласить великимъ гениемъ даже Байрона, въ которомъ она, толпа неспособная понять ни пол-мысли, ни пол-стиха; но искренно плѣняется и увлекаетъ ее только театральное и мелодраматическое пародированіе высокой стороны жизни (какъ въ повѣстяхъ Марлинскаго), или истинное и дѣйствительно прекрасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не слишкомъ великое, нѣсколько незрѣлое и и дѣтское, потому что сама толпа есть не что иное, какъ вѣчный недоросль, что-то похожее на дряхлаго ребенка или младенчества старика. Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ можетъ служить Пушкинъ. Когда слава его была въ своей апогеѣ, когда представители толпы провозглашали его «сѣвернымъ Байрономъ и представителемъ современнаго человечества»?—Тогда, какъ онъ удивлялъ ихъ «Русланомъ и Людмилой», «Братьями Разбойниками», «Кавказскимъ Плѣнникомъ», «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» и тѣми стихами, въ которыхъ воспѣвалъ золотую лѣнь, шипучее вино и тому подобное. «Цыгане» приняты были уже съ меньшимъ восторгомъ; «Полтава» публикой принята холодно, а журналисты встрѣтили ее бранью; «Борисъ Годуновъ» вовсе не былъ оцененъ... и многіе ли даже теперь догадываются, что за великія созданія—«Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Скупой Рыцарь», «Галубъ», «Мѣдный Всадникъ», «Каменный Гость»? Одинъ изъ критиковъ того времени въ седьмой главѣ «Евгенія Онегина», которая, по глубинѣ чувства, по зрѣлости мысли, по художественной отдѣлкѣ, гораздо выше первыхъ шести главъ,—увидѣлъ «рѣшительное наденіе, *chûte complète*», и съ торжествомъ возвѣстилъ его на двухъ языкахъ—русскомъ и французскомъ!.. Другой критикъ, говоря о той же седьмой главѣ «Онегина», сдѣлалъ такое заключеніе, что Пушкинъ отсталъ отъ вѣка, и что на него «прошла мода», какъ нѣкогда прошла мода на Наполеона, потому что и онъ отсталъ отъ вѣка!.. Еще двое другихъ, какъ будто сговорясь между собою, несмотря на то, что были противниками по мнѣніямъ, объявили, что въ третьей части стихотвореній Пушкина (вышедшей въ 1832